

ЧТО И КАК ИЗУЧАЕТ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

© 2015 г. Владимир Михайлович Алпатов

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия
v-alpatov@ivran.ru

Развитие лингвистики имеет ряд особенностей. Два главных процесса в истории лингвистики — накопление фактов и становление новых методов; накопление фактов увеличивает хаос, формирование новых методов преодолевает его. В разные периоды приоритетными бывали разные задачи, некоторые проблемы становились периферийными, но потом могли снова получить приоритет на более высоком уровне. В истории лингвистики можно видеть две тенденции: одна из них стремится изучать язык объективно и точно по образцу естественных наук, другая связана с изучением языка вместе с говорящим на нем человеком, с учетом интуиции и интроспекции. Первая тенденция господствовала в эпоху структурной лингвистики, вторая стала распространенной в наше время.

Ключевые слова: история лингвистики, хаос, упорядочение, приоритеты, периферийные проблемы, человек, интуиция

LINGUISTICS: WHAT AND HOW?

Vladimir M. Alpatov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia
v-alpatov@ivran.ru

The development of linguistics has some peculiarities. Two main processes in the history of linguistics are accumulation of facts and forming the new methods; accumulation of facts increases chaos, new methods overcome it. Different tasks were primary in different periods, some problems became peripheral but then were able to get priority again at a higher level. There are two tendencies in the history of linguistics; one of them aspires for studying language objectively and exactly on the pattern of natural sciences, the other tendency is connected with the study of language together with the speaking person, taking into account intuition and introspection. The first tendency was predominant in the epoch of structural linguistics, the second tendency is becoming widespread now.

Keywords: history of linguistics, chaos, putting in order, priorities, peripheral problems, person, intuition

За два десятилетия преподавания курса лингвистических учений в вузах автор статьи не раз размышлял о закономерностях развития языкознания, которые привлекли его внимание. Часть из них, видимо, свойственна любым эмпирическим наукам (естественным и гуманитарным), другие закономерности специфичны именно для лингвистики. Некоторые вопросы такого рода я уже рассматривал в статье [Алпатов 1999]. Я не претендую на полноту перечисления проблем.

1. Единство предмета и задач науки о языке

При сравнении лингвистики с другими эмпирическими — в том числе гуманитарными — науками бросается в глаза одна ее особенность. В ряде наук в течение веков менялись представления и о самом их предмете, и об их задачах и целях. Вряд ли, скажем, в современной исторической науке столь много сохранилось (кроме, конечно, фактического материала) от Геродота и Фукидида или даже Н. М. Карамзина. Но если мы сравним греческую

грамматику Дионисия Фракийца (Александрия, II в. до н. э.) и современный школьный учебник русского языка, то обнаружим в этих двух текстах много общего.

Сходна сама задача — научить правильному языку. Сходно понимание языка — как некоторой системы правил, извлекаемой из множества уже существующих, а не конструируемых автором текстов (тем самым моделируется в первую очередь восприятие, а не производство речи). Сходно выделение основных изучаемых областей языка — фонетика, морфология, синтаксис (они обычно и изучаются в том же самом перечисленном порядке); при этом основное внимание там и там уделяется грамматике. Сходны многие основные понятия и термины (русские термины чаще всего представляют собой кальки с древних языков). Это *звук, гласный звук, согласный звук, слово, предложение, часть речи, глагол, наречие, местоимение, падеж, лицо, наклонение, залог* и т. д. Лишь синтаксическая терминология современного учебника большей частью еще отсутствовала в александрийский период и появилась позже. Но и она с современной точки зрения достаточно давняя: разработана в XIII—XVI вв. Также в античности еще не было представления о значимых частях слова: корне, суффиксе и т. д. Но и оно появилось в XVI в.

Конечно, задачи современной лингвистики не сводятся к обучению правильному языку. С одной стороны, с развитием культуры и науки становится все больше прикладных задач; скажем, до недавнего времени не могло быть проблемы общения человека и машины. С другой стороны, наука о языке уже давно не сводится к обслуживанию практических потребностей вроде обучения языку и поддержания языковой нормы. Лингвистика развивается в первую очередь как «чистая» наука, сама по себе независимая от практики (хотя практические задачи от языкового строительства в СССР до машинного перевода не раз стимулировали развитие тех или иных идей и методов). Но появление новых задач не отменяет старые. Да и процесс отделения науки от чисто практических проблем начался достаточно давно. Уже «философские грамматики» схоластов XIII—XIV вв. относились к «чистой» науке.

Однако и чисто научным сочинениям нашего времени нередко свойственны привычные подходы, восходящие к античности или средневековью и когда-то разработанные для решения практических вопросов. Все перечисленные выше термины продолжают использоваться, хотя не все из них столь общеприняты сейчас, как сто лет назад. Аналитический подход к описанию языка (по Л. В. Щербе, путь пассивной грамматики) сейчас уже не считается единственно возможным, однако он явно преобладает в описании конкретных языков. Понятно, почему: тексты нам даны, а смыслы нам еще надо предварительно выявить. Традиционное понятие звука еще в первой половине XX в. заменилось понятием фонемы, но, по сути, оно скорее уточняет традиционные представления о звуках, чем предлагает что-либо принципиально новое. Классификация звуков стала более детальной, но противопоставление гласных и согласных остается основополагающим. В XX в. появились попытки обойтись без понятия слова, но в целом в большинстве грамматик, особенно российских, продолжают исходить из его первичности. Современные концепции частей речи и грамматических категорий значительно ушли вперед по сравнению с античностью, но строятся на базе понятий, выработанных еще тогда. То же относится и к появившейся уже в позднем средневековье концепции членов предложения, хотя она сейчас не является общепринятой.

В то же время многие привычные для нас свойства лингвистики, так или иначе восходящие к античности или средневековью, вовсе не могут считаться универсальными, что показывают иные лингвистические традиции. Подход индийцев был синтетическим, Панини строил активную грамматику, по Л. В. Щербе. Китайская традиция до ее европеизации в конце XIX в. не знала грамматики, основным видом описания в ней был словарь. Арабская традиция шла не от морфологии к синтаксису, а в обратном направлении. В Китае и Японии до знакомства с европейской наукой не было понятия, соответствующего звуку (фонеме): в Китае основной фонетической единицей был слог, а в Японии — единица, промежуточная между звуком и слогом (мора). В арабской традиции выделялись согласные звуки, но гласные не рассматривались как отдельные сущности. Единица, соответствующая

слову, по-видимому, существовала во всех традициях, но свойства этих единиц могли быть различными. Например, в китайской традиции слова совпадали с корнями и соответствующие понятия не различались. В этой же традиции выделялись всего две части речи: «полные слова» и «пустые слова», что примерно соответствует знаменательным и служебным частям речи, но не выделялись даже имена и глаголы. Подробнее обо всем этом см. [Алпатов 1998: 11—33].

И все же развитие науки о языке идет на основе непрерывного развития античной традиции. Другие традиции могли лишь что-то добавлять к ней, см. [Робинс 1968/2010]. Например, понятия корня и аффикса пришли из семитских традиций в XVI в., понятие сандхи из Индии в начале XIX в. Европейскую традицию «в менее политкорректные времена называли просто лингвистикой» [Клубков 2011: 5]. Однако, разумеется, независимо от политкорректности другие традиции не следует игнорировать.

Итак, наша лингвистическая традиция непрерывна, что не может не быть связано как с фундаментальными свойствами языка, так и с общей задачей упорядочения многообразных и неоднородных его явлений.

2. Хаос и упорядочение

В какой-то степени развитие мировой науки о языке (и не только о языке) можно представить как два процесса, связанные друг с другом и некоторым образом противостоящие друг другу. Идет процесс расширения знаний о том, что бывает в языках, накопление фактов; это связано и с введением в оборот новых языков, и с совершенствованием методов, позволяющих обнаружить новые факты в уже известных языках. Но также развиваются и совершенствуются способы упорядочения имеющегося знания, разного рода объяснительные теории и модели; они проходят проверку на новом фактическом материале. Как отмечал еще В. фон Гумбольдт, «все это многообразие явлений, которое, как его ни классифицирую, все же предстает перед нами обескураживающим хаосом, мы должны возвести к единству человеческого духа» [Гумбольдт 1984: 69]. Открытие новых фактов увеличивает хаос, разработка способов их упорядочения уменьшает его.

Преодоление хаоса происходило всегда. В фонетике еще в глубокой древности множество звуков сводили к ограниченному числу интуитивно выделяемых звукотипов, что отразилось в создании алфавитов. Позднее в «экзотических» языках обнаруживали звуки, не вписывающиеся в прежние представления, а формирование экспериментальной фонетики показало, что звуковых различий гораздо больше, чем это нам кажется на слух. Хаос временно увеличился, но его преодолением стало создание фонологии, упорядочившей и развившей традиционные представления.

То же мы видим и в истории синтаксиса, где, разумеется, сам объект намного сложнее и абстрактнее. Весь хаос конкретных связей между словами стали со временем сводить к ограниченному набору отношений, прежде всего, субъектно-объектных и атрибутивных. К XVI в. окончательно сформировалась концепция членов предложения, господствовавшая до XX в. Но затем расширение знаний о языках разного строя поставило под сомнение ряд ее пунктов, причем самым слабым ее местом оказалось то, что считалось наиболее существенным: понятие подлежащего. Еще в античное время полагали, что это наиболее важная часть предложения; на этом положении основывались как ряд философских теорий, так и традиционная европейская логика. Однако такая логика была упрощенным и иначе интерпретированным синтаксисом древнегреческого языка [Бенвенист 1958/1974: 111]. В этом языке сказуемое согласуется с подлежащим и, что не менее важно, только с ним (то и другое свойственно многим индоевропейским языкам). Но анализ разных языков за пределами «европейского стандарта» показал неуниверсальность данной традиции. Сложности могли увеличиваться и в связи с более детальным изучением явлений «наших» языков, например, при обсуждении вопроса о применимости понятия подлежащего к так называемым безличным предложениям. И здесь произошло увеличение хаоса, который преодолевается

в современных грамматических теориях, учитывающих материал многих языков разного строя. Например, понятия синтаксического и семантического актанта по универсальной применимости — шаг вперед по сравнению с понятиями подлежащего и дополнения.

Увеличение хаоса отразилось и в некоторых теоретических высказываниях, свойственных, например, дескриптивистам: они говорили, что универсален лишь дескриптивный метод, а в языках может встретиться все, что угодно. Однако «за последние десятилетия было получено много результатов первостепенного значения, в первую очередь эмпирических обобщений, ограничивающих допустимое разнообразие языков. Гипотеза о том, что языки могут по своему строю отличаться друг от друга неограниченным образом по неограниченному множеству параметров, ныне повсеместно оставлена» [Тестелец 2003: 69]. В области фонологии выделение единых параметров произошло еще в середине XX в., когда была разработана теория дифференциальных признаков. В морфологической и синтаксической типологии разработка таких параметров продолжается.

Стремление разобраться в хаосе и выявить единство, о котором говорил Гумбольдт, неустранимо из науки и совершенно естественно. А процесс накопления знаний неизбежно приводит к качественному скачку. Ясными становятся (по крайней мере, с точки зрения современного состояния науки) границы возможного и допустимого, ограничения на то, что внешне представляется хаосом.

3. Развитие по спирали

Любая история науки — не однолинейный процесс постоянного движения вверх. Широко известный метафорический образ спирали хорошо подходит к лингвистике (как, вероятно, и ко многим другим наукам). В разные эпохи на первый план выходили то одни, то другие проблемы.

Об этом (несколько в иных терминах, чем здесь) еще в 1948 г. писал В. Скаличка: «Проблематика языка — вещь сложная... Можно увидеть три типа отношений и три разные проблемы: 1. Прежде всего отношение языка к внеязыковой действительности, т. е. проблему семасиологическую. 2. Отношение языка к другим языкам, т. е. проблему языковых различий. 3. Отношение языка к его частям, т. е. проблему языковой структуры. В различные времена лингвистика занималась одними проблемами, в другие — другими. Так, например, античная лингвистика занималась только проблемами семасиологии и структуры, в то время как проблему языковых различий она обходила. В эпоху младограмматизма на первом плане была проблема языковых различий (решаемая исторически)» [Скаличка 1960: 98—99]. У Л. Ельмслева же «вся языковая проблематика... сводится к проблеме структуры» [Там же: 99].

3.1. Синхрония и диахрония

Исконно все традиции, включая европейскую, изучали язык как неизменное явление, тем самым синхронно. Считалось, что язык либо дарован человеку высшими силами (в Японии, например, богиней Аматерасу), либо (как в Библии) создан человеком под руководством тех же высших сил. Такой язык нельзя развивать или совершенствовать, а можно лишь забывать или портить. И долго все изменения языка рассматривались как «порча», а наиболее авторитетными считались старые памятники. Такой взгляд до XVIII в. не менялся. Однако затем в европейскую науку о языке вошла идея историзма. Весь XIX в. научная лингвистика считалась исторической наукой, а изучение современных языков, разумеется, не прекращаясь, считалось скорее практической, чем научной задачей, недостойной университетских профессоров. Эти языки в основном описывали либо педагоги, авторы гимназических учебников и нормативных словарей (если речь шла о языках «культурных народов»), либо миссионеры или чиновники колониальной администрации (если речь шла об «экзотических» языках). Методы исследования языков вне их истории почти

не развивались в течение нескольких веков. Но с начала XX в., особенно после появления в 1916 г. «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, изучение языков в их современном состоянии вновь стало рассматриваться как основная задача лингвистики, а исторические штудии ушли на второй план.

Часть направлений структурализма (прежде всего, глоссематика) пошла еще дальше и превратила синхронию в ахронию, исключив из рассмотрения всю диахроническую проблематику. По существу, это был возврат на новом уровне к исконной традиции, бывшей именно ахроничной (существование этимологии в европейской традиции не означало исторического подхода: переход к этимону — не движение от нового к старому, а раскрытие сущности именуемой вещи [Клубков 2011: 29]).

Данный подход сохраняется и в генеративизме. Н. Хомский и его последователи изучают общий механизм усвоения языка и порождения предложений, действующий всегда и везде, без каких-либо исторических изменений. «Внутри вида (человеческого. — В. А.), как представляется, никакой изменчивости нет... Речь идет о единообразной системе, а значит со времени ее появления никакой значительной эволюции не было... В случае языка нам известно, что нечто появилось в процессе эволюции и что с тех пор, как оно появилось, нет указаний на какие-либо эволюционные изменения» [Хомский 2010: 218]. На столь общем уровне рассмотрения диахроническая лингвистика (как и типология) теряет всякий смысл: в далеком прошлом каким-то нам пока не ясным образом возник человеческий язык (отсюда может возрождаться интерес к проблеме происхождения языка), а дальше ничего принципиально не меняется.

Сейчас же в науку возвращается если не идея о превосходстве диахронии (такое вряд ли возможно в обозримом будущем), то ушедшая на некоторое время в тень идея о том, что пониманию современных явлений могут помогать данные исторической лингвистики. «С исторической точки зрения сомнительно наличие в языке немотивированных связей между значением и формой; кажущееся отсутствие мотивации следует объяснять тем, что эта связь стерта, демотивирована, и необходимо найти исходное мотивированное состояние» [Кибрик 1980/1992: 130]. Тем самым снимается дихотомия синхронии и диахронии в той жесткой форме, которую придал ей Ф. де Соссюр. Об этом снятии еще более полувека назад говорил Р. Якобсон: «Статичная синхрония — это абстракция, необходимая лингвисту для определенных целей, а согласованное с фактами, исчерпывающее синхронное описание должно последовательно учитывать его динамику» [Якобсон 1965: 399]. То есть, преодолены оба «перекося», бывшие необходимыми на каких-то этапах развития науки.

3.2. Роль сопоставительных исследований

Все традиции основывались на изучении одного языка — языка «своей» культуры (что отмечал В. Скаличка, говоря об античной лингвистике). Другие языки поначалу могли рассматриваться как «бормотание» варваров: так долго думали в Древней Греции и в Китае. Идея сопоставления языков (изучения языковых различий, по В. Скаличке) сформировалась лишь в Европе в эпоху Возрождения в связи со становлением новых национальных языков, постепенно вытеснявших латынь из культурного обихода. С XVII в. (Грамматика Пор-Рояля и др.) была поставлена задача разграничения общих свойств языка и особых свойств отдельных языков. Затем весь XIX в. прошел, как отмечал В. Скаличка, под знаком сопоставительных исследований, как в генетическом плане (сравнительно-историческое языкознание), так и независимо от языкового родства (стадиальная классификация языков). В эпоху структурной лингвистики лингвисты стремились охватить своими методами как можно больше языков, но идея их сопоставления уже не была приоритетной. Большая часть направлений структурализма (в том числе дескриптивизм) игнорировала типологию и контрастивную лингвистику (исключение отчасти составлял Пражский кружок). В противовес этому в США в 60-е гг. XX в. сформировалась лингвистика универсалий. Однако Н. Хомский принципиально ограничил сферу своих исследований и сферу исследований

большинства ученых его школы английским языком. Он выдвинул в качестве основной задачи лингвистики построение общей теории языка, удобным материалом для которой, естественно, выступает родной язык лингвиста; лишь после этого могут строиться частные теории, учитывающие особенности отдельных языков.

В наше время степень интереса к сопоставлению языков зависит от принадлежности к тому или иному направлению науки. Для генеративистов типологическое сопоставление языков не приоритетно, тогда как оппозиционные генеративизму направления так называемого функционализма, наоборот, активно занимаются типологией, изучая путем сравнения не только общие, но и особенные свойства языков.

То, что мы теперь называем типологией, традиционно, исключая разве что первую половину XIX в., эпоху стадий, находилось в основном на периферии мирового лингвистического процесса. Это, например, последователи В. фон Гумбольдта, Э. Сепир, школа И. И. Мещанинова, лингвистика универсалий и пр. (речь сейчас идет о мировом процессе: в отдельных странах типология могла занимать и центральное положение, как это было в СССР в 1940-е гг.). Но в современной функциональной лингвистике роль типологии резко возросла. Что же касается сравнительно-исторического языкознания, то после Ф. де Соссюра оно из центральной области науки о языке превратилось в обособленную лингвистическую дисциплину со специфической проблематикой и специфическим методом.

3.3. Лингвистика и другие науки

В лингвистике можно видеть как периоды сближения с другими науками, разработки пограничных проблем, так и периоды ее обособления от других наук, сосредоточения на выработке собственно лингвистических методов. В Европе этот процесс начался уже на ранних этапах развития традиции. В античности первоначально она была частью философии, но еще в Александрии сложилась грамматика как отдельная дисциплина, ставшая затем первым по порядку из «семи свободных искусств». Однако в XVI—XVIII вв. (отчасти и позже) наблюдалось объединение лингвистики с филологией, наукой о текстах и их толковании. Новое обособление появилось в первой половине XIX в., когда сформировался первый строгий лингвистический метод — сравнительно-исторический. Например, для филолога-классика текст неотделим от автора и исторического контекста его создания, а компаративисту, занимающемуся классическими языками, все это не важно, зато необходимы данные родственных языков. По выражению одного из историков лингвистики, языки равны перед лингвистом, но не перед филологом [Белый 2012: 25]. Затем, когда к концу XIX в. обнаружился кризис исторического языкознания, стали активно сближать лингвистику с историей, психологией, физиологией, социологией и даже с географией; границы между языкознанием и другими дисциплинами вновь стали менее ясными.

Но после появления книги Ф. Де Соссюра начался длительный период нового, еще более радикального обособления лингвистики от всех наук (исключая лишь математику и общую семиотику). Считалось, что лингвистика должна основываться исключительно на собственно лингвистических методах. Особенно последовательны были дескриптивисты и глоссематики. Л. Блумфилд писал в 1936 г., что предмет изучения в лингвистике — «шум, производимый органами речи» [Там же: 14]. Л. Ельмслев в 1953 г.: «Лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т. е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру *sui generis*» [Ельмслев 2006: 32]. Редким исключением для того времени был Э. Сепир, посвятивший специальную работу 1928 г. отношению лингвистики к другим гуманитарным наукам [Сепир 1928/1993]. Но в то время преобладала противоположная тенденция. Границы между лингвистикой и «не лингвистикой» понимались как нечто строгое и раз и навсегда заданное.

Однако Н. Хомский в 60-е гг. XX в. объявил лингвистику «особой ветвью психологии познания» [Хомский 1968/1972: 12]. И в последнее время лингвистика все более сближается

с самыми разными, преимущественно гуманитарными науками; развиваются пограничные дисциплины (социолингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, поэтика и др.). «То, что считается “не лингвистикой” на одном этапе, включается в нее на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным» [Кибрик 1983/1992: 20]. Границы между лингвистикой и «не лингвистикой» стали все более неопределенными.

3.4. Степень интереса к лингвистическим дисциплинам

В те или иные периоды преимущественное внимание может уделяться то одной, то другой стороне языковой системы. Становление европейской традиции началось с грамматики, которая до XIX в. оставалась центральным разделом науки о языке. Изучение звуковой стороны языка играло очень малую роль в европейской традиции (в отличие от ряда других) до начала XIX в., но затем, начиная с реконструкции праформ, вышло на первый план, что достигло своего предела в 20—40-е гг. XX в., в эпоху классической фонологии. Теперь же фонология ушла на периферию науки о языке, зато выходит вперед долго находившаяся вне магистральных ее направлений экспериментальная фонетика. «В современную эпоху традиционные фонологические модели, ориентированные на классификационные задачи описательного языкознания, оказываются недостаточными. На первый план выдвигается моделирование реальных процессов производства и восприятия звуковой речи. Многие из них получают естественное переосмысление в прикладных разработках, связанных с компьютерной имитацией звуковых процессов — синтезом и распознаванием речи» [Кодзасов, Кривнова 2001: 15].

Морфология исконно, начиная с античности, была центральной частью лингвистического описания, но во второй половине XIX в., в период господства сравнительно-исторического языкознания стала в реконструкциях лишь «приложением» фонетики, по выражению Р. О. Шор [Шор 1931: 404]. Затем в структурной лингвистике она вновь привлекала к себе внимание, хотя и меньшее по сравнению с фонологией, пик в ее развитии наблюдался в 40—50-е гг. XX в. Однако после «Синтаксических структур» Н. Хомского морфология опять отошла на второй план, став уже «приложением» синтаксиса. Сейчас же у ряда лингвистов (чаще на Западе, чем в России) распространены идеи об отказе от понятия слова и объединении морфологии и синтаксиса в морфосинтаксис, см., например, [Haspelmath 2011]. В России эти идеи встречаются реже, но термин «морфосинтаксис» уже стал достаточно частым.

Синтаксис очень долго отставал в своем развитии от фонетики (фонологии) и морфологии. После короткого периода повышенного внимания к нему в начале XX в. (у нас это проявилось у А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и др.) синтаксис в целом игнорировался структуралистами; среди исключений [Сеше 1926/2003; Теньер 1959/1988]. Зато Н. Хомский объявил его центральной областью лингвистики, и современная американская наука о языке занимается, прежде всего, именно им. Фонетический и семантический компоненты в генеративизме дополнительные по отношению к центральному синтаксическому компоненту теории, а морфология включается в синтаксис.

Семантика всегда, начиная с античности, привлекала внимание исследователей. Это проявлялось, когда тем или иным решениям, по сути, вовсе не обязательно семантическим, давали семантические объяснения (см., например, традиционные определения частей речи). При этом она была самой неразвитой областью лингвистики, что, безусловно, было связано с особой сложностью объекта. В структурализме на общем фоне отставание семантики стало особенно заметным. В дескриптивной лингвистике даже наблюдались попытки вовсе исключить изучение значения из науки о языке. «Это различие *x* и *y* на основе значения есть различие, которое делают лингвисты, слепые к дистрибуционным различиям... Если мы знаем, что *x* и *y* не полностью повторяют друг друга, мы установим, что они различаются и по дистрибуции (а отсюда — и по “значению”» [Харрис 1948/1960: 155]. То есть достаточно дистрибуционного анализа, а семантический анализ избыточен. Такая точка зрения и для структурализма была крайней, но она отражала общую тенденцию.

Однако в последние 20—30 лет семантика стала активно развиваться, всплеск интереса к ней несомненен. В отличие от генеративизма, не упраздняющего семантику, но отводящего ей подчиненное положение по сравнению с синтаксисом, современная функциональная лингвистика отстраивает главную роль значения в языке. «Как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем» [Кибрик 1983/1992: 21]. Полемизуя с «самоограничением, доведенным до абсурда» у З. Харриса и др., А. Е. Кибрик писал: «Можно было бы, нарочито утрируя, сказать прямо противоположное: в лингвистике ничего (или почти ничего) нет, кроме проблемы значения» [Там же: 20].

Итак, в истории науки о языке постоянно наблюдается смена приоритетов, интерес к тому или иному уровню языка может то расти, то падать. Все сказанное не означает, что области лингвистики и научные подходы, временно отошедшие на периферию, никем не развиваются. Они могут быть количественно распространенными. Например, и в XX в. многие ученые занимались сравнительно-историческим языкознанием, перешло оно и в XXI в., но ту ведущую роль, которую оно играло в XIX в., оно потеряло. Тематика лингвистики неуклонно расширяется, и ни одна лингвистическая проблема не исчезает; об этом я уже писал [Алпатов 1999: 19—20]. Были случаи, когда некоторые вопросы объявлялись «ненаучными» и табуировались; так с конца XIX в. поступали с проблемой происхождения языка на основании того, что для ее решения нет позитивных данных. Однако все равно кто-то продолжал ею заниматься, в последние же два десятилетия она вновь стала привлекать внимание серьезных ученых; см. обзор в книге [Бурлак 2011]. Проблема символической связи между звучанием и значением (исключая узкую сферу звукоподражаний), поставленная еще в античности, казалось бы, после Ф. де Соссюра была снята с научной повестки дня. Но интересные работы в этой области, в конце концов, снова стали появляться, в том числе и в нашей стране; некоторые ученые, включая Р. Якобсона, рассматривали эту проблематику всерьез. Даже те направления, которые кажутся в настоящее время тупиковыми, могут когда-нибудь возродиться.

Однако нельзя считать, что возрождение интереса к какой-то проблеме означает простое возвращение к тому, что было когда-то. Всегда возвращение происходит на новом уровне, с учетом сделанного за прошедший период, в том числе в других лингвистических дисциплинах и за пределами лингвистики. Шаблонный образ спирали все же правомерен.

4. Язык как система и как деятельность

Традиционно, начиная с древнегреческих грамматистов, язык постоянно рассматривался и рассматривается как система правил. Начиная от самых простых правил в учебниках вроде: *У слов, обозначающих действия предметов, бывают приставки, а не предлоги* — и кончая сложными правилами современных исследований, использующих изощренный математический аппарат, предполагается выделение в языке некоторых постоянных свойств. Лингвисты ищут в сложном многообразии наблюдаемых явлений речи некоторые постоянные, стабильные, повторяющиеся единицы и структуры, воспроизводимые разными людьми одинаково или с незначительными вариациями, от которых можно отвлечься. Эти единицы и структуры фиксируются в грамматиках и словарях. Так неосознанно поступали еще в античности, но четко и последовательно этот подход был сформулирован Ф. де Соссюром: «Язык не деятельность говорящего. Язык — это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим» [Соссюр 1916/1977: 52]. В другом месте «Курса» сказано: «Языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом: общество принимает язык таким, какой он есть» [Там же: 104].

Согласно Ф. де Соссюру, язык в данном смысле — то, что нужно изучать в первую очередь. Все функционирование языка — речь — можно отодвинуть на второй план или «на потом». Лекция о речи в его курсе для студентов, положенном в основу книги, имела

в плане, но так и не была прочитана. Идеи Ф. де Соссюра позволили более строго и последовательно заниматься теми проблемами, которые и раньше находились в центре внимания лингвистов. Поэтому противопоставление языка и речи было принято большинством ученых XX в., как и предложенная швейцарским ученым расстановка приоритетов. На этом постулате основывалось большинство школ структурной лингвистики, господствовавшей в 20—50-е гг. XX в. в мировой науке о языке.

Иной, как известно, была точка зрения В. фон Гумбольдта, высказанная еще в первой половине XIX в.: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (ergon), а деятельность (energeia)... Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулированный звук пригодным для выражения мысли. В подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности... По разрозненным элементам нельзя познать то, что есть высшего и тончайшего в языке; это можно постичь и уловить только в связной речи... Расчленение языка на слова и правила — это лишь мертвый продукт научного анализа» [Гумбольдт 1984: 70]. Нет сомнений в том, что Ф. де Соссюр, говоря о «готовом продукте», спорил с данными утверждениями, хотя имя В. фон Гумбольдта им не было названо.

Идеи немецкого мыслителя, безусловно, серьезны и убедительны. Однако их дальнейшая судьба довольно точно охарактеризована современным автором Б. М. Гаспаровым: «Несмотря на то, что идеи Гумбольдта сохраняли высокую авторитетность на протяжении как большей части XIX, так и XX века, в конкретных описаниях истории и структуры различных языков они фактически не отразились» [Гаспаров 1996: 21]. Характерно, что хотя все работы В. фон Гумбольдта о языке написаны в XIX в., столь разные историки лингвистики как Р. О. Шор [Шор 1931: 393] и Р. Х. Робинс [Робинс 1968/2010: 205—210] считали его по духу ученым XVIII в.: в следующем веке науку о языке прежде всего интересовало совсем другое. У него были очень интересные мысли, но не было строгого метода. Языковеды просто не знали, как можно изучать язык-деятельность. Зато можно было, как и прежде, заниматься «расчленением языка на слова и правила» и совершенствовать это расчленение. Так поступали и компаративисты, и структуралисты.

Однако с наступлением XX в. чаще стали вспоминать идеи Гумбольдта. В 1929 г. в Ленинграде вышла книга В. Н. Володинова «Марксизм и философия языка», она была полемична по отношению ко многим идеям Соссюра, прежде всего, к ставшей почти общепринятой идее о разграничении языка и речи. Само существование языка в смысле Соссюра подвергается сомнению: «Субъективное сознание говорящего работает с языком вовсе не как с системой нормативно тождественных форм. Такая система является лишь абстракцией, полученной с громадным трудом, с определенной познавательной и практической установкой. Система языка — продукт рефлексии над языком, совершаемой вовсе не сознанием самого говорящего на данном языке и вовсе не в целях непосредственного говорения» [Волошинов 1929/1995: 281—282]. Такая абстрактная система «уводит нас прочь от живой становящейся реальности языка и его социальных функций» [Там же: 298]. Этот неадекватный подход, свойственный большинству языковедов начиная с античности, исключая лишь последователей Гумбольдта, вырабатывался с практическими целями: «расшифровывания чужого мертвого языка» (имеется в виду филология) и «научения ему». Правила склонения или спряжения полезны при обучении чужому языку, но ничего не дают для «понимания и объяснения языковых фактов в их жизни и становлении» [Там же: 298].

Итак, изучать надо речь во всем ее многообразии, а язык в смысле Соссюра — искусственное понятие, пригодное лишь для педагогических и филологических целей. Однако метод, который бы позволил изучать «живую становящуюся реальность», в книге остался неразработанным. По-видимому, и в 1929 г., как и за столетие до этого, такая задача еще была преждевременной.

Вновь и по-новому ее поставил Ноам Хомский начиная с книги «Синтаксические структуры» (1957). В «Аспектах теории синтаксиса» (1966) Н. Хомский ввел важные понятия компетенции и употребления: компетенция — знание языка говорящим-слушающим, а употребление — использование языка в конкретных ситуациях. «Задачей лингвиста, как и ребенка, овладевающего языком, является выявить из данных употребления лежащую в их основе систему правил, которой овладел говорящий-слушающий и которую он использует в реальном употреблении» [Хомский 1972: 10]. Н. Хомский писал: «Противопоставление, вводимое мною, связано с сосюроевским противопоставлением *языка и речи*; но необходимо отвергнуть его концепцию языка как только систематического инвентаря единиц и скорее вернуться к гумбольдтовской концепции скрытой компетенции как системы порождающих процессов» [Там же: 10]. Сам термин «порождать» Н. Хомский взял у В. фон Гумбольдта. То есть сохраняются и правила, но не правила процедур с заранее выделенными объектами, а правила, фиксирующие и моделирующие творческую деятельность человека.

В книге «Язык и мышление» (1968) Н. Хомский писал: «Возникает необходимость обратиться к некоторому совершенно новому принципу... Этот новый принцип имеет “творческий аспект”, который яснее всего наблюдается в том, что может быть названо “творческим аспектом использования языка”, т. е. специфически человеческая способность выражать новые мысли и понимать совершенно новые выражения мысли на основе “установленного языка”, языка, который является продуктом культуры» [Хомский 1972: 17]. Н. Хомский указывал на преемственность этих идей по отношению к В. фон Гумбольдту.

Впрочем, критики генеративизма отмечают и имеющуюся в нем непоследовательность. Крупнейший отечественный историк лингвистики В. А. Звегинцев ценил Н. Хомского за то, что он поставил задачу изучать язык вместе с говорящим на нем человеком. Но при этом он писал, что теория Хомского «в конечном счете, сводится все к тем же описательным процедурам и ставит своей целью дать описание абстрактной структуры лингвистической компетенции — в идее, но не в исполнении взаимодействующей с другими видами психического поведения человека» [Звегинцев 1996: 33—34]. То есть, испытав влияние В. фон Гумбольдта, Н. Хомский опять-таки предложил новый вариант конструирования «мертвого продукта научного анализа», пусть усовершенствованный по сравнению с прежними вариантами.

Однако после появления теории Н. Хомского (его приверженцы любят говорить о «хомскианской революции») наука стала выходить и за рамки, им установленные. Активно изучаются, например, общественное функционирование языка, коммуникативный аспект языка, проблемы диалога и др. Лингвистика все более начинает подступаться к тем проблемам, которые ставили В. фон Гумбольдт и В. Н. Волошинов. Это, однако, не означает того, что старые проблемы потеряли свое значение или являются псевдопроблемами.

Безусловно, язык — и система, и деятельность. Он может рассматриваться тем или другим образом в зависимости от поставленных задач. Идеи В. Н. Волошинова о фиктивном характере системы языка были все-таки максималистскими. Только системное изучение языка за последнее столетие значительно продвинулось, имеются разработанные методы, широко используются индукция и дедукция. А деятельностный подход к языку, безусловно, гораздо более сложный, находится на раннем этапе. Здесь пока мы имеем «поле, на котором выделяются... с одной стороны, ряд нетривиальных, содержательных, *красивых* теоретических моделей, с другой — определенное множество образцов... прокомментированного материала» [Дементьев 2013: 31]. «Самыми оригинальными и интересными... оказываются, как правило, чисто дедуктивные, постулатные модели, которые могут быть очень красивы сами по себе, но при этом не имеют большого отношения к особенностям конкретного материала и возможностям его непротиворечивой оценки» [Там же: 42].

Дедуктивные модели, в том числе в лингвистике, строятся с опорой на индуктивно собранный материал и они тем ценнее, чем больший объем материала позволяют объяснить. Теория с недостаточной опорой на факты была свойственна XVIII в. и первой половине XIX в., включая В. фон Гумбольдта; идеи могли быть в высшей степени ценными, но, как

выше отмечалось в отношении Гумбольдта, их использование долго оставалось затруднительным. Разрыв между теорией и исследовательской практикой свидетельствует о том, что исследования в данной области находятся еще на раннем этапе.

5. Три главных вопроса лингвистики

Сильно огрубляя и схематизируя круг проблем лингвистики, можно их свести к трем главным вопросам. Это вопросы: «Как устроен язык?», «Как функционирует язык?» и «Как развивается язык?». Различие между двумя первыми вопросами тесно связано с различием двух подходов к языку, который рассматривался в предыдущем пункте, но не совпадает с ним: язык, по Ф. де Соссюру, и компетенция, по Н. Хомскому, не одно и то же, но в равной степени относятся к устройству языка.

Из этих вопросов первый, поднятый еще Панини и александрийцами, изучен лучше всего, хотя, разумеется, многое еще остается неясным. Существуют развитые научные теории, предложенные в структурной и генеративной лингвистике, детально разработаны и методы работы с языковым материалом, дающие возможность в ряде случаев проверять те или иные построения. XX в., безусловно, прошел под знаком изучения этого вопроса.

Много занималась лингвистика в последние два столетия и третьим вопросом, здесь, однако, имеется значительный разрыв между прекрасно разработанными методами (сравнительно-историческим и филологическим) и весьма скудной и уязвимой для критики теорией языковых изменений. Более того, вопрос о причинах языковых изменений активно ставился в конце XIX в. и первой половине XX в. (Г. Пауль, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов и др.), а потом отошел на периферию исследовательского внимания. Его нельзя отнести к сколько-нибудь решенным. Е. Курилович считал, что он не может целиком решаться средствами лингвистики, которая способна лишь отсеять запрещаемые устройством системы варианты развития, но выбор реализуемого варианта среди возможных определяется экстралингвистическими причинами [Курилович 1949/1962].

Вопрос же о функционировании языка, не раз ставившийся в науке начиная от В. фон Гумбольдта, и сейчас изучен слабее других. Ограничение лингвистики изучением языка, введенное Ф. де Соссюром, для своего времени было плодотворным, хотя и среди его последователей были ученые, стремившиеся выйти за его пределы (К. Бюлер, А. Гардинер и др.), см. [Алпатов 2015]. Пражская школа вводила понятие функции, указывая: «К лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели» [Тезисы 1930/1960: 69]. Сходные взгляды развивала и Московская школа: «Весь пафос нашей работы заключался в том, чтобы показать систему языка во всей полноте реального функционирования» [Аванесов 2004: 16]. Ставились одновременно обе задачи, но в целом преобладало изучение устройства языка.

Заменив язык компетенцией, Н. Хомский расширил рамки лингвистики, но отказ от изучения употребления опять-таки требовал отвлечься от функционирования языка. Однако одновременно с этим (не всегда в рамках собственно лингвистики) складывались такие дисциплины, как теория речевых актов, прагматика, дискурсивный анализ. За последние 20—30 лет подобные исследования значительно активизировались, хотя теория и методы находятся еще в стадии становления, что я отмечал в предыдущем разделе. Для многих процессов пока что имеются лишь более или менее правдоподобные гипотезы и догадки.

Исследование функционирования языка не сводится к тому, что стало принято называть когнитивной лингвистикой. Сюда входят и социолингвистика, изучающая функционирование языка в обществе, и комплекс дисциплин, исследующих функционирование языка «на самом деле». Здесь разные стороны речевого процесса по объективным причинам изучены неравномерно. Лучше всего ввиду большей доступности изучено функционирование голосового аппарата; экспериментальная фонетика, по традиции всегда признававшаяся лингвистической дисциплиной, существует со второй половины XIX в., и с тех

пор получено много данных. Механизмы слухового восприятия изучены хуже. Наименее исследованной постоянно оставалась главная составляющая — мозг, считавшийся «черным ящиком». Изучение речевых механизмов мозга началось с 1940-х гг. вне тогдашних рамок лингвистики, прежде всего, как изучение афазий (А. Р. Лурия и его школа), а также детской речи. Долгое время они давали наибольший материал, однако это все-таки лишь косвенные данные. Теперь уже активно развертываются и прямые исследования речевых механизмов мозга, в том числе в нашей стране. Особенно надо отметить петербургский коллектив во главе с Т. В. Черниговской. Им уже накоплен немалый материал. Из множества проблем, связывающих исследование функционирования мозга с традиционной тематикой науки о языке, отмечу лишь одну. Эти исследования подтверждают и показывают фундаментальность традиционных понятий, в том числе понятия слова, имеющих объективное содержание, связанное с мозгом.

Изучение механизмов мозга — «не лингвистика» с точки зрения научных взглядов недавнего прошлого, когда считали важным учитывать лишь «шум, производимый органами речи» и не заходили в «черный ящик». Но, как я отмечал выше, в наше время все больше интересуются тем, что происходит «на самом деле»; такой интерес неустраим из современной науки.

Заключительные замечания

Выше история языкознания рассматривалась по нескольким параметрам, на первый взгляд, независимым друг от друга. Однако представляется, что расхождения взглядов по этим параметрам по-разному отражают спор двух течений в науке о языке, которые В. Н. Волошинов не вполне удачно назвал «абстрактным объективизмом» и «индивидуалистическим объективизмом». Близко к этому разграничение «антропоцентрического» и «системоцентрического» подходов к языку у Е. В. Рахилиной [Рахилина 1989]. Представители этих течений неоднократно спорили, два ярких примера — подробно описанная в статье [Винокур 1957] полемика Л. Блумфилда и «менталиста» Л. Шпитцера в 1940-х гг. и дискуссия о «дегуманизации» в «Вопросах языкознания» между В. И. Абаевым и П. С. Кузнецовым [Абаев 1965; Кузнецов 1966].

Можно говорить о том, что в истории науки о языке постоянно идет борьба стремления к строгому изучению своего объекта по образцу естественных наук, с опорой на наблюдаемые факты, и желания рассматривать язык вместе с говорящим на нем человеком, с учетом интуиции, интроспекции и творческих способностей людей. Последний подход был сформулирован В. фон Гумбольдтом в начале XIX в., но его недостатком постоянно оказывались нестрогость и произвольность. Другой же подход, достигший максимума в структурализме, давал несомненные, но ограниченные результаты. Ему свойственны стремление к проведению строгих границ, обособлению лингвистики от других наук, рассмотрению объекта как замкнутой системы, ограничению задач своей науки относительно узким кругом, будь то сравнение родственных языков и реконструкция праформ или же структурный анализ фонологии и морфологии. В конечном счете, он стремится к упорядочению. В противоположность этому подход, связываемый с именем В. фон Гумбольдта, стремится к расширению любых рамок, междисциплинарным исследованиям, постановке глобальных задач, при этом часто без сколько-нибудь строгого метода. В какой-то мере можно считать, что он увеличивает хаос. Наше время — скорее эпоха движения в такую сторону.

Еще несколько десятилетий назад казалось, что лингвистика приближается по степени строгости и математизированности к естественным наукам, и полностью формализованная теория языка — дело близкого будущего. Через какое-то время наметилась противоположная крайность: лингвистика, особенно в нашей стране, начинает напоминать далекие от какой-либо строгости гуманитарные дисциплины. Оба подхода неустраимы из развития науки, хотя в разные эпохи на первый план может выходить то один, то другой из них. Может быть, их существование необходимо для развития науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абаев 1965 — Абаев В. И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 22—43. [Abaev V. I. Linguistic modernism as dehumanisation of linguistic science. *Voprosy jazykoznanija*. 1965. No. 3. Pp. 22—43.]
- Аванесов 2004 — Аванесов Р. И. Владимир Николаевич Сидоров // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова / Отв. ред. Борунова С. Н., Плотникова-Робинсон В. А. М.: Институт русского языка, 2004. С. 13—19. [Avanesov R. I. Vladimir Nikolaevich Sidorov. *Ottsy i deti Moskovskoi lingvisticheskoj shkoly. Pamyati Vladimira Nikolaevicha Sidorova*. Borunova S. N., Plotnikova-Robinson V. A. (eds). Moscow: Institute of the Russian Language, 2004. Pp. 13—19.]
- Алпатов 1998 — Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки русской культуры, 1998. [Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistic theories]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998.]
- Алпатов 1999 — Алпатов В. М. Некоторые заметки по истории лингвистики // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика / Отв. ред. Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 19—25. [Alpatov V. M. Some notes on the history of linguistics. *Tipologiya i teoriya yazyka. Ot opisaniya k ob'yasneniyu. K 60-letiyu Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. Rakhilina E. V., Testelets Ya. G. (eds). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999. Pp. 19—25.]
- Алпатов 2015 — Алпатов В. М. Предшественники когнитивистики // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2015. [Alpatov V. M. Predecessors of cognitive science. *Yazyk i mysl'. Sovremennaya kognitivnaya lingvistika*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2015.]
- Белый 2012 — Белый В. Леонард Блумфилд. Арад (Израиль), 2012. [Belyi V. *Leonard Bloomfield*. Arad (Israel), 2012.]
- Бенвенист 1958/1974 — Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 104—114 (1-е изд. 1958). [Benveniste E. Categories of thought and categories of language. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika*. Moscow: Progress, 1974. Pp. 104—114 (1st ed. 1958).]
- Бурлак 2011 — Бурлак С. А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011. [Burlak S. A. *Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The origin of language. Facts, studies, hypotheses]. Moscow: Astrel', 2011.]
- Винокур 1957 — Винокур Г. О. Эпизод идейной борьбы в западной лингвистике // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 59—70. [Vinokur G. O. An episode of ideological struggle in the western linguistics. *Voprosy jazykoznanija*. 1957. No. 2. Pp. 59—70.]
- Волошинов 1929/1995 — Волошинов В. Марксизм и философия языка // Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-пресс, 1995. (1-е изд. 1929). [Voloshinov V. Marxism and the philosophy of language. Voloshinov V. *Filosofiya i sotsiologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg: Asta-Press, 1995 (1st ed. 1929).]
- Гаспаров 1996 — Гаспаров Б. М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. [Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz: Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image: linguistics of linguistic existence]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obzrenie, 1996.]
- Гумбольдт 1984 — Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37—298. [Humboldt W. von. On the diversity of human language construction and its influence on the mental development of the human species. Humboldt W. von. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow: Progress, 1984. Pp. 37—298.]
- Дементьев 2013 — Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры. Категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. [Dement'ev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of the Russian culture. The category of personality in lexicon and pragmatics]. Moscow: Global Kom, 2013.]
- Ельмслев 2006 — Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: УРСС, 2006. [Hjelmslev L. *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to a theory of language]. Moscow: URSS, 2006.]
- Звегинцев 1996 — Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М.: МГУ, 1996. [Zvegintsev V. A. *Mysli o lingvistike* [Reflections on linguistics]. Moscow: Moscow State Univ., 1996.]

- Кибрик 1980/1992 — Кибрик А. Е. Соотношение формы и значения в грамматическом описании // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ, 1992. С. 123—130 (1-е изд. 1980). [Kibrik A. E. Correlation of form and meaning in the grammatical description. Kibrik A. E. *Oчерки po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija*. Moscow: Moscow State Univ., 1992. Pp. 123—130 (1st ed. 1980).]
- Кибрик 1983/1992 — Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ, 1992. С. 17—27 (1-е изд. 1983). [Kibrik A. E. Linguistic postulates. Kibrik A. E. *Oчерки po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija*. Moscow: Moscow State Univ., 1992. Pp. 17—27. (1st ed. 1983).]
- Клубков 2011 — Клубков П. А. Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII — начало XIX в.). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. [Klubkov P. A. *Formirovanie peterburgskoi traditsii lingvisticheskoi rusistiki (XVIII — nachalo XIX v.)* [Forming of St. Petersburg tradition of the Russian linguistics (XVIII — the early XIX centuries.]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ., 2011.]
- Кодзасов, Кривнова 2001 — Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. [Kodzason S. V., Krivnova O. F. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Кузнецов 1966 — Кузнецов П. С. Еще о гуманизме и дегуманизации // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 62—74. [Kuznetsov P. S. Once more on humanism and dehumanisation. *Voprosy yazykoznanija*. 1966. No. 4. Pp. 62—74.]
- Курилович 1949/1962 — Курилович Е. О природе так называемых «аналогических» процессов // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962 (1-е изд. 1949). [Kurylowicz E. About nature of the so called «analogic» processes. Kurylowicz E. *Oчерки po lingvistike*. Moscow, 1962 (1st ed. 1949).]
- Рахилина 1989 — Рахилина Е. В. О концептуальном анализе в лексикографии (А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность / Отв. ред. Арутюнова Н. Д. М.: Институт русского языка, 1989. С. 46—51. [Rakhilina E. V. On conceptual analysis in A. Wierzbicka's lexicography. *Yazyk i kognitivnaya deyatel'nost'*. Arutyunova N. D. (ed.) Moscow: Institute of the Russian Language, 1989. Pp. 46—51.]
- Робинс 1968/2010 — Робинс Р. Х. Краткая история языкознания. М.: Высшая школа, 2010 (1-е изд. 1968). [Robins H. *Kratkaya istoriya yazykoznanija* [A short history of linguistics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 2010 (1st ed. 1968).]
- Сепир 1928/1993 — Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 259—265 (1-е изд. 1928). [Sapir E. The status of linguistics as a science. Sapir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniju i kul'turologii*. Moscow: Progress, 1993. Pp. 259—265 (1st ed. 1928).]
- Сеше 1926/2003 — Сеше А. Очерк логической структуры предложения. М.: УРСС, 2003 (1-е изд. 1926). [Sechehaye A. *Oчерk logicheskoi struktury predlozheniya* [An essay of the logical structure of the sentence]. Moscow: URSS, 2003 (1st ed. 1926).]
- Скаличка 1960 — Скаличка В. Копенгагенский структурализм и «Пражская школа» // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. 2-е изд. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1960. С. 92—99. [Skalička V. Copenhagen structuralism and «The Prague school». Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznanija XIX—XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh*. 2nd ed. Part 2. Moscow: Uchpedgiz, 1960. Pp. 92—99.]
- Соссюр 1916/1977 — Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31—273 (1-е изд. 1916). [Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniju*. Moscow: Progress, 1977. Pp. 31—273 (1st ed. 1916).]
- Тезисы 1930/1960 — Тезисы Пражского лингвистического кружка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. 2-е изд. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1960. С. 69—85 (1-е изд. 1930). [Prague Linguistic Circle Theses. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznanija XIX—XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh*. 2nd ed. Part 2. Moscow: Uchpedgiz, 1960. Pp. 69—85. (1st ed. 1930).]
- Теньер 1959/1988 — Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988 (1-е изд. 1959). [Tesnière L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Elements of structural syntax]. Moscow: Progress, 1988 (1st ed. 1959).]
- Тестелец 2003 — Тестелец Я. Г. Грамматические иерархии и типология предложения: Дис. ... докт. филол. наук. М.: РГГУ, 2003. [Testelecs Ya. G. *Grammaticheskie ierarkhii i tipologiya predlozheniya*: Dokt. diss. [Grammar hierarchies and sentence typology. Doct. diss.] Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2003.]

- Харрис 1948/1960 — Харрис [Хэррис] З. Метод в структуральной лингвистике // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. 2-е изд. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1960. С. 153—171 (1-е изд. 1948). [Harris Z. Method in structural linguistics. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaneya XIX—XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh*. 2nd ed. Part 2. Moscow: Uchpedgiz, 1960. Pp. 153—171. (1st ed. 1948).]
- Хомский 1966/1972 — Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М.: МГУ, 1972. (1-е изд. 1966). [Chomsky N. *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the theory of syntax]. Moscow: Moscow State Univ., 1972 (1st ed. 1966).]
- Хомский 1968/1972 — Хомский Н. Язык и мышление. М.: МГУ, 1972. (1-е изд. 1968). [Chomsky N. *Yazyk i myshlenie* [Language and thought]. Moscow: Moscow State Univ., 1972 (1st ed. 1968).]
- Хомский 2010 — Хомский Н. О природе и языке. М.: УРСС, 2010. [Chomsky N. *O prirode i yazyke* [On nature and language]. Moscow: URSS, 2010.]
- Шор 1931 — Шор Р. О. Языковедение // Большая советская энциклопедия. Т. 65. М.: Советская энциклопедия, 1931. С. 373—414. [Shor R. O. *Yazykovedenie* [Linguistics]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*. Vol. 65. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1931. Pp. 373—414.]
- Якобсон 1965 — Якобсон Р. Выступление на Первом Международном симпозиуме «Знак и система языка» // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. 3-е изд. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1965. С. 395—402. [Jakobson R. Contribution at the 1st International symposium «Sign and the system of language». Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaneya XIX—XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh*. 3rd ed. Part 2. Moscow: Uchpedgiz, 1965. Pp. 395—402.]
- Haspelmath 2011 — Haspelmath M. The indeterminacy of word segmentation, and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica*. 2011. Vol. 45. No. 1. Pp. 31—80.

Статья поступила в редакцию 05.01.2015.